

Владимир
АТЛАНТОВ:

«КЛАССИКА — ВЕЧНЫЙ СОВРЕМЕННИК»

Интервью с солистом Большого театра Владимиром Атлантовым таит в себе трудность, которую вряд ли можно назвать неожиданной, и все-таки разговорный голос певца — не певческий же это голос? Почему же он так завораживает своим тембром, интонацией — всем своим задумчивым, вернее, вдумчивым, звучанием, очень виолончельным, отвлекая от смысла произнесенного, погружая в себя, как в музыку?.. Хемингуэй подметил, что достоинства разговорного голоса — вовсе не продолжение достоинств певческого, а особый дар. В таком случае Атлантов одарен вдвойне...

— Должен сказать, не Вы первая задаете мне вопрос о

месте оперы в жизни современного человека, современного общества. Перевалила ли опера через свою вершину? Находится ли она на спуске? Опера родилась давно — по сравнению, скажем, с жанрами тех же ансамблей, той же эстрады. Все эти жанры меняются на наших глазах. Отрабатывая свое, они не спутывают жизни нескольких поколений. А опера сохраняет свою жанровую целостность на протяжении 300 лет. И существует достойно. С большой пользой для нравственного развития человека. Наши оперные театры всегда полны, за рубежом опера пользуется колоссальным успехом — громаден интерес и к классическим, и к современным ее формам. Если же говорить о перспективе, то здесь встает вопрос качества.

— Владимир Андреевич, а наш бурный век ломки норм и жанров опера сохраняет свою «классичность». Есть ли вообще принципиальные различия классики и неклассики?

— Мы не всегда знаем, как классифицировать родившееся произведение. На мой взгляд, классика — это опять-таки вопрос качества, это то, без чего человек не может духовно существовать. Она теснейше связана с талантом. Еще — у классики есть время. Есть вечность. Сказано ведь: «Классика — вечный современник».

— Можно ли говорить о «естественности» оперы? Разве люди поют, разлучаясь, например?

— Пение — естественное проявление человеческого бытия. В моменты возвышенных состояний, взрыва страстей человек всегда поет. Или хочет запеть... Пение — это продолжение наших мыслей, чувств. При всей условности жанра опера — продолжение естественной жизни эмоций человека.

— Можно ли считать оперу хранительницей национальных традиций в искусстве?

— Опера от рождения была национальной. Есть опера итальянская, французская. Есть наша, русская, опера, со всеми присущими ей особенностями музыкального развития нашего народа. Дальнейшая ее судьба будет опять-таки зависеть от качества «продукции». Нередко наши композиторы, как мне кажется, берут очень большую и ответственную тему, но не в состоянии написать соответствующую музыку. Они выбирают ответственную тему и говорят при этом: «Мы опережаем время», — а тут ведь, повторю, главное — вопрос качества и одаренности.

— Вы родились в известной музыкальной семье... Ваш уникальный драматический тенор дан Вам природой или он — результат счастливого стечения жизненных обстоятельств, проявления Вашего собственного характера, душевного склада?

— Наверное, сочетается все. А еще у меня было огромное желание быть таковым, может, ради своего места в жизни, ради того, чтобы моя жизнь была нужна людям.

— Можно ли вообще говорить

об особом душевном складе певца?

— Голос — явление уникальное, никто еще не постиг природу пения. Доктора смотрят иное горло — бывает, прекрасные связки, должен быть громобойный голос, а его нет... Но есть такие люди, у которых есть голос, но которым не надо быть певцами...

— Как Вы обычно приступаете к работе над новой партией?

— Основная работа — где-то в недрах души. Я знаю оперную литературу, знаю свои возможности, у меня возникает желание спеть ту или иную партию, я постепенно живу в роль... Так всегда складывалось в моей жизни: когда худсовет дает мне роль, она у меня уже готова.

— Так было и с Вашим «Отелло»?

— Именно так.

— Миллионы телезрителей имели возможность познакомиться с Вашим выступлением в этой роли на сцене итальянской «Арена ди Верона»... Итальянские газеты писали, что русские певцы являются украшением итальянской оперы. Расскажите, пожалуйста, о Ваших итальянских впечатлениях, о творческих связях с итальянской оперой...

— Все началось с 60-го года, во время моей двухлетней стажировки в Ла Скала. Я пел «Тоску» и «Реквием». Верди, а потом произошло мое знакомство с Пармским оперным театром, который, как говорят итальянцы, является «трудным» оперным театром. Выступление мое сочли удачным, и меня вместе с Образ-

цовой и Мазукоком пригласили петь в «Кармен». Сейчас мы с Образцовой приглашены петь в «Паяцах».

— Любители оперы наслаждались Вашим Садно, Вашим Германом... Есть ли у Вас особые любимые партии?

— Последнее время я сузил репертуар, считая, что лучше идти вглубь, чем вширь. Это «Кармен», «Пиковая дама», «Паяцы» и «Отелло». Я рад, что их пою. Что я хочу спеть своим «Отелло»? Любовь и страдание. И как можно меньше выделить ревности. Весь голос сосредоточить на любви и страдании в силу того, что я считаю ревность несовершенным чувством.

— Как Вы относитесь к другим видам искусства, к природе?

— Искусство создает ту среду, в которой я осуществляюсь. Но постоянное совершенствование голоса, тембральных оттенков... Тысячу раз попробуешь, пока наконец-то скажешь «так». Постоянная нехватка времени. Не очень хорошо знаю современную поэзию, но Пушкин... Я погружаюсь в его стихи с наслаждением, я знаю, какая встреча предстоит мне, заранее предвкушаю ее — это точность Пушкина, необычайная ясность, сразу же начинаешь искать в себе такую же чистоту интонации. И еще есть одна книга, к которой не могу привыкнуть, — «Мастер и Маргарита».

Природа — это лучшее, что

есть в жизни. Иногда мне кажется, она добрее, мудрее, терпеливее человека. Люблю наши озера, лес, перелески... На природе восстанавливается душевное равновесие.

— Ваша дочь — студентка музыкального факультета. В чем, по-вашему, особенность подхода к музыке нынешнего молодого поколения?

— Такая особенность должна существовать, если бы ее не было — было бы плохо. Теперешняя молодежь ценит настоящее. И она предъявляет нам все более жесткие требования, исполнение должно быть на очень высоком уровне — старые пластинки часто кажутся наивными. Мне бы не хотелось, чтобы я когда-нибудь звучал наивно... — Как Вы думаете, насколько прав был французский философ, утверждавший: «В искусстве есть некий предел совершенства... У того, кто чувствует и любит такое искусство, — превосходный вкус; у того, кто не чувствует его и любит все стоящее выше или ниже, — вкус испорченный; следовательно, вкусы бывают хорошие и дурные, и люди правы, когда спорят о них».

— Именно чувство меры превращает художника в выдающегося творца. Я тоже пришел к мысли, что вкус — это категория, о которой надо спорить. Но ужасно, когда эту возможность присваивают люди, не имеющие вкуса. О вкусах надо спорить по одной простой причине — нужно постоянно напоминать о мере, такте и вкусе в искусстве.

С. ВИШНЕВСКАЯ.

Владимир Андреевич, правда, 1985, 18 авг.